

Сун Чэн с сожалением произнес:

— Написать тысячу слов самокритики и поразмышлять о своих поступках на улице. Мне хуже всего — пришлось выдумывать тысячу слов, объясняя, зачем я гулял по улице ночью — бог знает почему, я просто хотел развеяться!

Меня рассмешил его тон, а Старина Ло поднял большой палец:

— Это к чему говорит? Ты, парень, родился не таким, как все, тебе судьбой предназначено свершить великие дела.

Я спросил его:

— И что ты в итоге написал в самокритике?

— Не написал, отец забрал меня домой и отчитал. — Он улыбнулся и не стал продолжать. — Следующий круг.

Стрелка в следующем круге указала на меня.

Я хотел выпить, но это казалось скучным, да и Старина Ло уже несколько раз подмигнул мне. Но я еще не был морально готов, поэтому, подумав, сказал:

— Я тоже расскажу секрет, который ко мне не имеет отношения... нет, скорее имеет небольшое отношение.

Сун Чэн с интересом посмотрел на меня. Хотя у меня было много секретов, тех, что можно было рассказать, было совсем мало.

Пришлось напрячься:

— В старшей школе у нас была девушка, которую все считали идеальной — настоящая богиня, во всем преуспевала, красивая, все ей восхищались. Но на самом деле она уже встречалась с самым красивым парнем в нашем классе, хотя, возможно, она считала, что это влияет на учебу, поэтому, кроме них двоих, никто не знал. Позже этот парень начал встречаться с другой одноклассницей, и все думали, что это обычные отношения, но оказалось, что парень тайно изменил.

— Девушка была очень опечалена, но решила жестоко отомстить этой однокласснице, как она уже делала много раз раньше. Она использовала методы, чтобы сделать личные дела той всеобщим достоянием, вынудив ее перевестись в другую школу. Мало кто знал первопричину, и я случайно узнал, что это было по ее указанию, и был очень удивлен... ведь она выглядела такой примерной девочкой, никто не мог подумать, что она на такое способна.

Когда я закончил, Старина Ло задумчиво спросил:

— Так ты, Цзюньянь, тогда был влюблен в эту девушку? Испытываешь, что образ рухнул?

В каком-то смысле это был тот результат, который я хотел услышать. Поэтому я кивнул, делая вид, что разочарован:

— Женщины — это действительно страшные существа.

— А та девушка, что перевелась? Как она? — серьезно продолжил спрашивать Сун Чэн. — Она

ведь ничего не сделала не так, была обманута мерзавцем, а потом подставлена.

Я на мгновение онемел, а потом сухо ответил:

— Не знаю... Наверное, сейчас у нее все хорошо, над этими вещами просто посмеются и забудут?

Услышав этот ответ, он тихо вздохнул:

— Но ведь она жалкая.

Мой голос застрял в горле, в носу защипало, мне хотелось и смеяться, и плакать.

Смеяться над тем, что я, поднимая эти старые шрамы, кажусь себе нытиком; плакать от того, что за столько лет я ни разу не услышал слова жалости из чужих уст.

Люди, знавшие эти дела — Линь Я, Ян Чэнь, Сюэ Кэмин — они были участниками или наблюдателями, они не чувствовали боли и могли смотреть со стороны, как на пожар. В конце концов, даже сам я начал считать свое упрямое нежелание отпустить смешным, ведь это были мелочи, не стоившие внимания. Поэтому я смог в такой обстановке спокойно рассказать эту историю как посторонний.

Если даже мне самому все равно, зачем тебе жалеть меня?

Я посмотрел на Сун Чэна, натянув беззаботную улыбку:

— Не будь таким мягкосердечным, я буду любить тебя сильнее.

...Пока я не потеряю тебя.

Когда было выпито немало вина, Старина Ло принял звонок и сказал, что у друга дела, и ему нужно отойти на время, предложив нам продолжить. Перед уходом он многозначительно хлопнул меня по плечу:

— Редкая возможность для вас двоих узнать друг друга глубже, не стесняйтесь. Тем более меня нет, можно сказать пару секретов, которые я не должен слышать, верно? Я скоро вернусь.

Когда он вышел, Сун Чэн откинулся на диван и с улыбкой спросил:

— Нас двое, продолжим играть?

— ...Продолжим. — Мой голос немного осип, но я смог улыбнуться, чему сам удивился. Я пожал плечами, махнув рукой, и взял рулетку. — Возможно, между нами правда есть какие-то постыдные маленькие секреты?

Сун Чэн молча смотрел на меня. Его черты были глубокими, и сейчас он казался немного давящим, благородные черты лица в переменчивом свете потеряли привычное тепло. Я уже думал, что он откажется, как он медленно заговорил, но в голосе слышалась улыбка:

— Хорошо.

Мы снова закрутили стрелку, первый раз выпало мне. Как только Старина Ло ушел, атмосфера в комнате мгновенно лишилась той радостной легкости и стала немного странно подавленной. Историй не было, поэтому я сказал:

— Маленький секрет — я не люблю сельдерей. Но дома не разрешали привередничать в еде, поэтому я его насильно ел очень долго. Позже, когда я мог сам решать меню, я обнаружил, что уже привык к этому вкусу.

Взгляд Сун Чэна смягчился, словно мрачное выражение лица только что было моей иллюзией:

— В следующий раз, когда буду готовить, учту.

— На самом деле сейчас я считаю, что сельдерей довольно вкусный, особенно тот, что делаешь ты, просто замечательный. — Я скривил губы в подобие улыбки, во второй раз стрелка указала на Сун Чэна. Хотя игра вдвоем «признание» — это либо я, либо он, я все же облегченно вздохнул. — Твой черед.

— Дай подумать... — Сун Чэн нахмурил брови, он думал очень серьезно, видимо, не было ничего, что можно было бы назвать секретом и рассказать — в отличие от меня, с моим прошлым, полным грязи, которую нельзя открыть, он был таким искренним и чистым, что мне было жалко его марать.

Я смотрел на его профиль и очень-очень тихо вздохнул, словно так смогу выдохнуть всю грудь тоски и боли.

— Мелочи тоже сойдут, посмотри, я рассказал только про сельдерей. — Видя, что ему слишком трудно, я заговорил. — Ничего страшного, это игра... ладно.

— Хорошо. — Он улыбнулся мне. — В начальной школе у меня в соседнем классе был мальчик с длинными волосами, я думал, что это девочка, и даже передал ему записку с признанием.

Несмотря на горечь в душе, услышав это, я не мог удержаться от улыбки:

— А потом?

— Потом я увидел, как он зашел в мужской туалет, и просто не мог поверить. — Он улыбнулся, глаза согнулись дугой. — В то время мое сердце просто разбилось.

— Ты в детстве точно был милым. — Я тихо сказал. — Очень хотелось бы увидеть своими глазами.

Сун Чэн слегка улыбнулся:

— Позже будет возможность показать фото.

В новой партии стрелка указала на меня. Я пожал плечами:

— В детстве я приподнимал юбку учительнице.

— Почему?

— Она была в длинном платье, мы с одноклассниками играли в прятки, и я подумал, что если спрячусь под ее юбкой, то точно не буду найден. — Я сокрушенно сказал. — Мысли детей действительно очень странные.

— А что было потом? — с любопытством спросил он. — Тебя критиковали?

Я усмехнулся:

— Нет. Учительница была доброй, не стала со мной разбираться.

На самом деле учительница сообщила в семью Сюй, и это стало еще одним железным доказательством грязных генов насильника в Сюй Цзюньяне.

Вероятно, под моим влиянием, когда наступил черед Сун Чэна, он сказал:

— В старшей школе я не хотел писать дополнительное домашнее задание учителя, поэтому взял тетрадь одноклассника с выполненным заданием и переписал там все имена на свои... Хм, в то время, делая плохие дела, я не чувствовал мук совести, и даже гордился, что мне не нужно писать самому. Сейчас думаю, что мне очень перед ним не по себе.

Я странно спросил:

— Разве он не заметил? Даже если он не обратил внимания, учитель точно спросит его, почему не написал, и тогда тебя раскроют.

— Тот одноклассник был очень хороший. — Сун Чэн опустил ресницы и тихо ответил. — Наверное, он молча признал и переписал еще раз.

— Вот это добродушие. — Я кивнул. — Продолжай, продолжай.

Благодаря этой игре я узнал множество безобидных маленьких секретов Сун Чэна с детства до взросления, а также рассказал все, что мог, не раскрывая своей личности. Сегодняшняя стрелка почему-то всегда указывала на меня, часто я рассказывал три секрета, чтобы наступил черед Сун Чэна. В конце, когда она снова указала на меня, я действительно выжал мозг, но не мог придумать ничего свежего, что можно сказать — не знаю, зачем я даже рассказывал, что в семь лет еще описывался в кровать.

Старина Ло все еще не вернулся, и я подумал, что, вероятно, даже судьба требует, чтобы я сегодня признался во всем.

Сун Чэн, видя, что я молчу долго, мягко сказал:

— Цзюньянь, если не можешь придумать, то и ладно, это всего лишь игра.

Я глубоко вздохнул, натянул не слишком уродливую улыбку:

— Нет, у меня есть что сказать.

Сун Чэн спокойно смотрел на меня.

<http://bllate.org/book/16832/1548685>